

УДК 101.1:008

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИЧНОСТНОГО ПРОСТРАНСТВА ЧЕЛОВЕКА

Мозговая Н.Н. (Ростов-на-Дону, Россия)

В современной психологической науке и практике ощущается потребность в выявлении представлений человека о содержательных и функциональных особенностях личностного пространства как субъектного образования. В ходе анализа было определено состояние изученности проблемы личностного пространства человека в отечественной и зарубежной психологии; выявлена сущность, определены основные содержательные характеристики, функции и др. Также были исследованы способы обозначения; раскрыта специфика взаимодействия данного феномена с другими научными понятиями – телесностью, территориальностью и др.

Mozgovaja N.N. (Rostov-na-Donu, Russia). LIKE A TYPICAL COMPONENT OF A MAN'S PERSONAL SPACE.

While doing the research we made a careful study of works on psychology on the ground of which we gave a definition of personal space as an integrated (complex) psychological unity which is the result of personal development that ensures inviolability, identity maintenance, means of self-representation, manipulation protection and protection from any negative influence from outside. A peculiar feature of personal space is its polyfunctionality. Thus the functions it performs are the following: identifying, representative, protective and monitoring (supervisory).

Education and personal space development are determined by: the communicants' status, mentality and culture, character of partnership, extroversion/introversion and other personal characteristics. The structure of personal space comprises the following components: spatial, physical, corporal, psychological, emotional and volitional, status and role-playing, moral and ethic, cognitive and communicative. Any of the above-mentioned elements may have multilevel realization. Our research enabled us to single out the following types of dissociated personal space: personal space can be organized according to the character of influence (deliberate/undeliberate), according to means of communication (communicative means) (verbal, non-verbal, verbal and non-verbal), according to levers (management style, communicative situation, etc), malfunctions caused by the recipient (state, mass media, etc.)

Личностное пространство как один из компонентов многогранной структуры жизненного пространства имеет как биологические, социальные, так и психологические характеристики, закрепленные в чертах поведения людей, детерминированных культурным наследием. Эта особенность, как подчеркивают Э. Холл, Г. Зиммель, оказывается исключительно важной предпосылкой организации личностного пространства, обеспечения определенной комфортности как условия жизни, формирования характера поведения, стимулирования творческой активности.

Пространство вообще, как утверждает Г. Риццори, это «предпосылка общения и поле складывающихся специфических отношений, характер которых определяется многими факторами, этническими и культурными традициями, естественной емкостью территории (личной, географической и др.)» [1,с.43], а также содержанием совместной деятельности, направленной на удовлетворение жизненных интересов, потребностей, безопасности.

Таким образом, социальные свойства жизненного пространства многообразны. Наиболее существенные из них представлены его информативностью, масштабностью, выраженной в уровнях, территориях локального, регионального, национального, личностного и др. пространств, плотностью социальных явлений, ценностно-ориентирующими свойствами, конструктивностью и деструктивностью отношений, защитной, репрезентативной, идентификационной и др. функциями.

Психологическое и социально-психологическое видение человеческой жизни основывается на представлении о том, что социальная действительность обусловлена психически и может быть понята исключительно из его природы. Восприятие жизни на психологическом уровне связано с формированием представлений о пространстве. Это направление интенсивно развивается со второй половины XX века в аспектах изучения пространственного познания, пространственного поведения, восприятия качества среды.

В 60-е годы XX века возникает особое направление в науке – психология жизненной среды, предметом которой является средовое поведение. В конце 80-х – начале 90-х годов появляется «экологическая психология» [1,с.17], изучающая воздейст-

вие экологических факторов на психику человека. Формирование информации о пространстве и феноменах, характеризующих его, в значительной мере определяется характером ее поступления, обработки.

Первоначально рассмотрение личностного пространства человека по аналогии с другими формами жизни было предпринято этологами (К. Лоренц, А. Сторр, Э. Холл, Hedige, Calyoun и др.). Накопленный этими исследователями материал позволяет заключить, что и в использовании пространств между человеком и животным много общего, определяемого логикой поведения.

Территориальность присуща большинству видов животных и имеет ряд общих характеристик. Групповые или социальные территории обеспечивают ряд функций, таких, как возможность коммуникации, координации деятельности животных, входящих в группу, а также сохранение ее единства. При этом обязательным компонентом внутренней динамики групповых территорий служит индивидуальное (личное) пространство животных. Животные, живущие группами, избегают физических контактов. Они держатся друг от друга на некотором расстоянии, как бы окружая себя невидимым «пузырем или воздушной оболочкой» [2, с.23].

Индивидуальное пространство, по словам Э. Холла, является показателем статуса живого существа, соответствует его размеру, массе, авторитету. Границы предельных размеров такого пространства служат фактором сохранения внутренней гармонии сообщества животных в пределах конкретной социальной территории. Маркировка территорий позволяет определить свои пределы и различить других животных этого вида. На этой основе обеспечиваются режим использования территорий и ее защита.

Одной из составляющих личностного пространства является соблюдение оптимальной дистанции общения. Hediger (1950; 1961) подчеркивает существенное влияние на возникновение и развитие исследований в области дистанции аналогичных разработок в этологии. Этологами давно установлено, что животные определенной популяции сохраняют между собой стабильные дистанции. Так на сегодняшний день известны следующие примеры дистанций у животных: «бегства; критическая дистанция; социальная и дистанция интеракции» [3, с.136]. С экологической и этологической точек зрения такое поведение животных (территориальность, соблюдение дистанций и др.) является основой соблюдения экологического равновесия, возможности выжить и защитить себя, свое потомство, сохранить определенный вид в пределах ограниченной территории.

М. Черноушек отмечает тот факт, что по «мере продвижения живых существ по ступеням эволюционной лестницы (от простейших форм - к высокоорганизованным) пространственное поведение или территориальность становилась более сложной» [4, с.140].

По словам А. Сторра, феномен территориальности животных позволяет многое объяснить и в территориальном поведении людей. Современный человек продолжает во многом оставаться «территориальным животным» [5, с.82]. При этом он обладает инстинктивной внутренней враждебностью к чужим, соседям. Его потенциальная агрессивность представляет собой врожденную реакцию на угрозу своего естественного пространства жизнеобеспечения или сообщества. Окружающая среда для человека, как и для животных, есть пространство, где происходят разнообразные формы территориального взаимодействия. Подобно животным, люди устанавливают

с помощью всевозможных символов границы своей территории, которые закреплены в виде норм социального поведения.

Однако, как подчеркивает Э. Холл, обнаруживающееся тождество в поведении человека и животного нельзя абсолютизировать, так как человеческое общество значительно сложнее животных сообществ. Проводимые аналогии с животным миром обусловлены тем, что «человек, в отличие от животных способен не только ориентироваться в актуальном и локальном пространстве, но и экстраполировать масштабное представление о нем, создавать императивы осмысленных действий» [2]. Фактор индивидуального пространства в контексте поведения живых существ ограничен рамками исключительно локального и актуального бытия, воспринимается как «здесь и теперь». Таким образом, любая экстраполяция, умение предвидеть масштабы своей деятельности, доступны только человеку. Являясь духовным существом, человек обладает способностью к творческой активности и преобразованию мира, созиданию искусственной среды духовных ценностей, инновационных моделей и образцов взаимоотношений – активной адаптации и развития в жизненном и личностном пространстве.

Также Э. Холл описывает нормы приближения человека к человеку в различных ситуациях взаимодействия. На этом уровне анализируются динамические параметры пространства общения и предлагаются четыре «зоны» [2, с.25-26] или расстояния между партнерами по общению.

Проксемика исходит из положения о том, что один из главных принципов общения связан с охраной личных зон. Способы охраны личных зон и признание ненарушаемости чужих границ определяют характер взаимоотношений с другими людьми. По мнению Э. Холла, использование человеком пространства и реакция на него имеют решающее значение для человеческих взаимоотношений. В этом проявляется степень близости между людьми, их принадлежность к определенной культуре. Таким образом, исследования Э. Холла показывают, что человек окружен определенной пространственной зоной, границы простирающейся которой зависят от ряда природных и культурных факторов.

В ряде исследований личностное пространство изучается как пространственный компонент. Этой точки зрения в исследованиях невербальной коммуникации придерживаются Я. Щепаньский, Р. Соммер, М. Хейдметс.

По определению Р. Соммера, персональным пространством является пространственная сфера вокруг человека, очерченная мысленной чертой, за пределы которой другим входить не следует. Автор подчеркивает, что «мерой» персонального пространства является расстояние, на которое к человеку может приблизиться другой человек. Персональное пространство не является кругообразным, его удаленность в разные стороны не равна, «человек скорее терпит близость с постоянным лицом при приближении его с боку, чем спереди» [3, с.137]. Далее Р. Соммер выделяет особенности, личностное пространство и личностной территории: величина его различна для каждого индивида; пространство «перемещается» с ним; территория занимает относительно постоянное место; границы пространства остаются невидимыми; границы территории индивид отмечает; личное пространство имеет своим центром тело индивида, а территория – нет.

В экспериментах Efran, Cheyne (1974 г.) отмечены изменения в поведении человека, вынужденного вторгаться в личностное (персональное) пространство другого лица. «Вынужденное вторжение в персональное пространство другого человека со-

проводятся статистически достоверными изменениями как в мимике и пантомимике, так и в оценках в отношении своего настроения» [3,с.140].

Таким образом, ценность выделения и описания такого феномена, как личностное пространство в том, что оказывается охарактеризованной еще одна специфическая форма регуляции человеческих взаимоотношений. В данном случае объектом регуляции является минимально допустимая дистанция между людьми. Следует подчеркнуть, что такая минимальная дистанция достаточно четко определена взаимоотношениями людей. Достоверно известно, что нарушение границ личностного (персонального) пространства имеет зримо негативные (деструктивные) последствия.

В исследованиях Н.А. Носова по виртуальной психологии детства иллюстрируется один из аспектов реальной телесности человека – пространственный аспект жизни человека [6]. У человека всегда были сложные отношения с собственно пространством и пространством, в котором он живет. Как подчеркивает Н.А. Носов, «горе человеку, не имеющему своего места: бомж, бич, «перекати-поле». Даже пустынные, странники, кочевники – это люди не без «места», а со своим специфическим личностным и территориальным пространством» [6,с.159]. Для человека пространство никогда не было пустым, индифферентным. Издавна человек делил его на «свое и чужое» [6,с.159]. Свое – это известное, освоенное, структурированное, личностное. Чужое – неизвестное, враждебное, опасное. Над всем этим, по словам Н.А. Носова, находится трансцендентный мир: потусторонний, мир богов. Автор предлагает деление пространства на «свое-чужое-божественное» [6,с.160], а не географическое.

Интересующее нас личностное или «свое» пространство, характеризуется автором как необязательно доброжелательное к человеку. Оно, хотя и свое, но самостоятельно и может повернуться к человеку любым боком. Оно имеет свой нрав. Между «своим» и «чужим» пространством нет связи. Переход из одного в другое, по словам автора, всегда дискретен, это реальности разного типа, даже если они внешне наглядно не разделены [7].

Н.А. Носов отмечает, что мир в традиционном представлении строится по принципу «вложений: один тип пространств является частью другого, более объемного; этот другой, в свою очередь, является частью следующего пространства, еще большего. Автор выделяет три типа пространств: (1) миры, где обитают боги или властвуют космические законы, в центре находится (3) освоенное (свое, личностное) пространство обитания человека, а между ними (2) чужое пространство» [6, с.161].

Освоенное пространство, как подчеркивает Н.А. Носов, тоже строится по принципу вложений. Критерием различения и разделения освоенных пространств является степень личностного существования человека (дом, улица, город ...). Однако мельчайшей пространственной единицей личного существования является не обязательно дом, это пространство, где «нет других таких же Я, как Я САМ» [6, с.162]. Согласно этому, «свое» пространство человек сворачивает до реальности собственного Я, а «чужим» становится все остальное пространство, весь мир. Поскольку Я само по себе, без пространственной основы своего бытия, легко разрушаемо, то, по словам автора, психологические настроения просто заполняют человека: страхи, беды, психические болезни, конфликты, фрустрации и т.п.

Таким образом, по определению Н.А. Носова, телесность человека – это не только его тело и организм, но и те пространства, физические и смысловые, которые составляют его самого как человека, а также все то, чем он владеет и чему принадлежит. Фактически, как подчеркивает автор, это может быть весь внеположенный человеку

мир со своим моральным, материальным, историческим и другим содержанием. Каждый человек в понятие пространственности: личной, чужой, территориальной, вкладывает свой смысл [6].

Контекстно материалы о личностном пространстве человека представлены и в психотерапии, в исследовании таких проблем как: современное психотерапевтическое пространство, внешнее и внутреннее «Я» индивида, недифференцированность и проницаемость границ «Я - Другой», этические основы психотерапии и психологического консультирования и др.

Анализ психотерапевтической литературы (З. Фрейд, К. Роджерс, А. Маслоу, Дж. Кэлхоуэн, Е.Т. Соколова, М.Р. Минигалиева и др.) с одной стороны показал обобщенный характер сведений о феномене личностного пространства человека, а с другой - значительный материал о способах, тактиках соблюдения профессиональных рамок и границ личностного пространства на примере работы с клиентом.

О потребности человека в личностном пространстве свидетельствуют сеансы психоанализа З. Фрейда. Он проводил свои беседы с больным таким образом, чтобы тот ложился на кушетку, а сам располагался на стуле за пределами видимости больного. Благодаря этому терапевт не вторгался в личностное пространство пациента.

В исследованиях Е.Т. Соколовой выделены следующие пространства: «пространства людей и фантастическое пространство «если бы»» [8,с.267]. Пространство людей, характеризуемое как территория реально пережитых и накопленных чувств, свойственных реальной жизни в человеческом обществе - это реальность, насыщенная кислородом взаимоотношений. Фантастическое пространство «если бы» или нереальная территория «если бы» [8,с.267], искусственно создаваемое психологом и клиентом пространство, необходимое как переходное. Фантазийное пространство «если бы» было выявлено психотерапевтами гуманистической ориентации (гештальт-терапевтами, представителями психосинтеза и трансперсональной психотерапии).

Е.Т. Соколова подчеркивает, что, оценивая различные пространства отношений – «пациент-терапевт», «клиент-консультант», психологу, психотерапевту следует всерьез задуматься о профессиональном самоопределении, соблюдении профессиональных рамок и границ личностного пространства клиента. В соответствии с этим принципом психолог должен «заботиться о благе клиента, помня о границах своей собственной профессиональной компетенции» [8, с.297-298].

Е.Т. Соколова отмечает, что реализация этого этического принципа предполагает особую ответственность психолога за ясную «очерченность» и сохранность пространственно-временных границ работы с клиентом [8]. К нарушению личностных границ будут относиться также нерегулярность и непостоянство места и времени сеансов, их частые или хаотические изменения, перенесение места сеанса из кабинета в неформальную обстановку (семью, бар, на прогулку и т.д.). В последнее время склонны трактовать в духе нарушения границ знаки фамиллярного отношения, проявляющиеся во вторжении в терапевтическую беседу тематики, касающейся личной жизни психолога, просьбы и поручения, с которыми психолог обращается к клиенту, выходящие за цели и задачи терапии. Например, содействие рекламе деятельности психолога или его методам. Прямым нарушением личностных границ человека (клиента), по мнению Е.Т. Соколовой, считается включение в терапию разговорного жанра, телесных прикосновений.

В качестве примера смешения границ личностного пространства индивида, Е.Т. Соколова приводит так называемую множественность ролей, часто имеющую место в

учебных заведениях. В этом случае психолог может являться одновременно и преподавателем, и научным исследователем. Подобные структуры накладывают отпечаток на терапевтический процесс, однако не являются разрушительными. По словам автора, допускается демонстрация психологом своей неспособности помочь клиенту помимо его воли. Он тем самым заявляет об отказе от намерений «сделать что-то» вопреки желанию клиента. Этим психолог гарантирует, со своей стороны, соблюдение границ «Я – Ты», не разрушаемых вторжением, вмешательством, пусть и с благими целями, в судьбу другого человека.

Автором приводятся данные исследований (Pore, 1990) нарушителей границ личностного пространства человека за последние десять лет, среди «нарушителей» преобладают: психиатры (33 %), за ними следуют психологи (19 %) и социальные работники (13 %).

Таким образом, эти и другие виды злоупотребления в психологии, психотерапии наносят серьезный ущерб душевному здоровью индивида, подрывают доверие к людям, нередко провоцируют грубое ухудшение состояния. Нарушения этического кодекса сильно дискредитирует не только терапевта, но и школьного психолога.

Исследования Горовица, Даффа поведения психически больных людей [3, с.138-139] показали, что эти лица имеют большее персональное пространство, чем «нормальные» люди. Однако они хуже переносят близость с другими людьми. Французские психиатры [3] в ходе многолетних наблюдений пришли к выводу, что предоставление пациенту собственной, пусть маленькой, территории в больнице способствует уменьшению страхов и агрессивных побуждений. Лечебница для таких пациентов – это «закрытый» мир, он во многом отражает и преувеличивает стороны большого внешнего мира.

Частично о соблюдении личностного пространства идет речь и в исследованиях отношений в «закрытых» или «открытых» семьях, домах, учреждениях.

По словам Дж. Фаст, в «закрытых» [5, с.160-162] домах обычно живут «закрытые» семьи. Даже позы, которые принимают члены таких семей – «закрытые»: они – жесткие, негибки. В таких домах предметы должны находиться в раз и навсегда отведенных для них местах, руки, ноги, головы людей должны занимать лишь точно установленные положения. Семья, живущая в таком доме, не способна к спонтанным действиям, отношения в ней крайне напряженные. Часто здесь превалирует нетерпимость во взглядах, конформизм к господствующим в обществе вкусам. В «закрытых» семьях у каждого члена своя собственная территория, закрепленное за собой место в доме. В отличие от «закрытых» семей, «открытые» [5], как подчеркивает Дж. Фаст, характеризуются большей открытостью, доброжелательностью в отношениях друг к другу. В «открытой» семье вряд ли имеет значение, кто где сидит. О своем характере в такой семье сообщают раскованные движения, небрежные позы, свободное выражение своих эмоций, взглядов, действий. Различия в атмосферах двух указанных типов семей, как замечает автор, проявляются в отношении матерей к своим детям.

К «закрытым» пространствам в последнее время исследователи стали относить и учреждения интернатного типа. В отечественной психологии рассмотрены в первую очередь особенности развития детей в условиях «ранней институализации» [9, с. 6].

Как отмечают исследователи (М.И. Лисина, Н.М. Щелованов, Н.М. Аскаркина, М.Д. Ковригина, А.М. Прихожан, Л.И. Рюмина и др.), в этой специфической социальной ситуации развития, в которой оказывается ребенок, подросток правомерно говорить о своеобразном, нетипичном пути развития интернатных детей. Здесь склады-

вается особая личностная направленность, которая, будучи реализованной, до конца в этих условиях, может на последующих возрастных этапах привести к формированию специфической «закрытой» личности.

Осуществленный исследователями М.Ю Кондратьевым и Н.В Репиной сравнительный анализ развития интернатных детей показал наличие у них явной «задержки в развитии эмоционально-волевой сферы, нарушения познавательной активности. При этом экспериментальные данные указывают на то, что в основе задержек, «искривлений» и «надломов» психического развития лежит в первую очередь нарушение общения со взрослыми и пребывание в «закрытом» сообществе» [9, с.5-10]. Авторы отмечают, что в закрытых сообществах напряженность, насыщенность межличностных отношений, значительно выше, чем в открытых. Суверенитет, сохранность личностного пространства воспитанников интернатов выражается не только в строгом соблюдении границ учреждения. «Личностное пространство здесь может быть представлено более интенсивной эмоциональной окрашенностью межиндивидуальных связей, жесткими функционально-ролевыми ожиданиями, более заметной статусной поляризацией» [9, с.9].

Таким образом, учреждения интернатного типа характеризуются внешней и дополнительной внутренней закрытостью, что в свою очередь порождает добавочное напряжение во взаимоотношениях воспитанников и создает условия для господства монодеятельности.

В других исследованиях личностного и общественного пространства и восприятия его человеком (Дж. Фаст, Дж. Л Уильямса, Ф. Кинцеля и др.) проводится связь между личностным пространством, зонами или территориями с одной стороны, и кинесикой – «языком тела», с другой. Реакция на вторжение в наше личностное пространство неразрывно связана с языком тела.

О потребности человека в личностном пространстве хорошо известно тем, кто профессионально связан с функциональным общением в управлении, образовании, сценическом искусстве, милиции, политике, рекламе, медицине и других сферах.

Экспериментальные исследования О. Кинцеля в области психологии насилия показали, что у лиц, осужденных за насильственные действия, личностное пространство, или «буферная зона тела» [1, с.87], в четыре раза больше, чем у осужденных за другие преступления. Это породило следующую гипотезу: люди с развитым инстинктом территории более агрессивны к окружающим, так как последние, сами того не подозревая, пересекают невидимую границу «владений» субъекта. Автор обнаружил, что многие из людей, виновные в насилии, жаловались на то, что их жертвы «лезли к ним» [5, с.70].

Для представителей силовых структур, как подчеркивает Дж. Фаст, в частности, следователей, разработан специальный учебник по правилам ведения допроса подозреваемых в преступлении людей. Один из приемов, описываемый в книге - это вторжение в личностное (интимное) пространство допрашиваемого. Начав допрос «с расстояния в один метр, следователь должен постепенно пододвигать свой стул ближе к подозреваемому. Необходимо также, чтобы во время допроса между ними не было никаких препятствующих предметов, которые дают некоторую степень облегчения и уверенности, защиты» [5, с. 64-65]. По словам Дж. Фаст, авторитарные руководители осознают, что могут усилить свое положение начальника, вторгаясь в пространство подчиненного. Начальник, нависающий над столом подчиненного, выводит последнего из духовного равновесия, вызывает ощущение неуверенности.

В актерской деятельности расширение личностной зоны зрителей до общественной, является неотъемлемым приемом сценического искусства. Дж. Фаст утверждает, что актеры прекрасно осведомлены об этом приеме и в течение многих веков используют расстояние, отделяющее сцену от зрителей, для создания всевозможных иллюзий. На этом расстоянии жесты актеров аффектированы, стилизованы и более символичны. Используя знания о средствах невербального общения, актеры оказывают нужное воздействие на зрителей. Мы полагаем, что все эти свойства социального пространства в той или иной степени обнаруживаются в личностном пространстве человека. Анализ работ показал, что феномен личностного пространства представлен контекстно в философии, социологии, психологии и других областях научного знания. В связи с этим, очевидной становится необходимость найти общие черты, признаки, позволяющие дать определение понятия «личностное пространство». Мы полагаем, что личностное пространство представляет собой интегрированное психологическое образование, являющееся результатом развития субъектности личности и обеспечивающее ее неприкосновенность, сохранение идентичности, возможность самопрезентации, защиты себя от манипулятивного и любого негативного воздействия других лиц. В контексте рассматриваемой проблемы малоизученный феномен личностного пространства нуждается в более четкой теоретической обоснованности, что актуализирует потребность в привлечении ряда других проблем, контекстно раскрывающих обозначенное явление.

Литература

1. Писачкин, В.А. Социология жизненного пространства. Саранск. 1997. - 174с.
2. Пиз, А. Язык жестов. Минск: Парадокс, 1995. – 416с.
3. Хейдметс, М. Человек. Среда. Пространство. Сборник статей. Тарту: Изд-во ТГУ, 1979. – 162с.
4. Черноушек, М. Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989. – 174с.
5. Фаст, Д., Холл, Э. Язык тела. Как понять иностранца без слов. М.: Вече, Персей, АСТ, 1995. – 432с.
6. Носов, Н.А. Виртуальная психология. М.: Изд-во «Магистр», 1997.–432с.
7. Добрович, А.Б. Общение: наука и искусство. М.: Знание, 1996. – 159с.
8. Соколова, Е.Т. Общая психотерапия. М.: Тривола, 2001. – 304с.
9. Кондратьев, М.Ю., Репина, Н.В. методическое обеспечение социально-психологического исследования в учреждениях интернатного типа. Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 1994. – 111с.